

Вэй Фусюэ улыбнулся:

— Даос Чжантянь сказал, что кровопускание слишком укрепляет, и чрезмерное усердие может навредить. Поэтому в этот раз он убрал мою кровь из пилюль.

Тао Цзюсы слегка замер, затем медленно произнес:

— Даос Чжантянь — твой человек.

Вэй Фусюэ поднял бровь и усмехнулся:

— Учитель угадал. Видишь ли, Драгоценная супруга Ду оказалась настолько глупа, что, выбирая, в итоге остановилась на человеке, которого я для нее подготовил.

Имея опыт прошлой жизни, Тао Цзюсы знал, что Вэй Фусюэ — человек с глубокими замыслами. Но с момента своего возрождения он впервые увидел, насколько изощренными могут быть его методы.

Обычно Вэй Фусюэ терпел, не отвечал на удары, не реагировал на оскорбления, заставляя людей думать, что он безобиден и слаб. На самом деле, в глубине души он готовил мощные и жестокие удары. Первое Высочество, столь искусное в интригах, — неудивительно, что в прошлой жизни Тао Цзюсы проиграл так сокрушительно.

Вэй Фусюэ разжал ладонь, и за короткое время мелкие раны уже покрылись корочками, оставив лишь запекшуюся кровь.

Тао Цзюсы только сейчас понял, что Вэй Фусюэ сжал руку настолько сильно, что прорвал кожу и потерял столько крови. Он поспешно взял влажное полотенце, чтобы вытереть кровь.

Вэй Фусюэ, наблюдая за ним, не спеша произнес:

— Учитель добр ко мне, заботится обо мне, и это меня радует.

Тао Цзюсы машинально ответил:

— «Однажды став учителем, навсегда остаешься отцом».

Вэй Фусюэ промолчал. То небольшое тепла, что только что пробилось в его ледяном сердце, было мгновенно погребено под холодом.

После прощания с Вэй Фусюэ Тао Цзюсы долго сидел в Министерстве чинов. То, что он сегодня узнал, было настолько ошеломляющим, что требовало времени для осмысления.

В прошлой жизни, из-за ученической привязанности к Вэй Жуньюй и слабой родственной связи, он всегда относился к Вэй Уюэ с уважением и преданностью. Даже когда Вэй Уюэ увлекся поисками бессмертия, Тао Цзюсы не раз критиковал его в докладах, но делал это с болью в сердце, искренне и прямо, никогда не думая о том, чтобы заменить его кем-то другим.

После возрождения, взглянув на Вэй Уюэ с точки зрения Вэй Фусюэ, он увидел, что этот человек — безнравственный лицемер, недостойный страны и народа, недостойный своей супруги и старшего сына.

Его внутренние весы колебались между Вэй Фусюэ и Вэй Уюэ, но теперь Тао Цзюсы хотел только защитить Вэй Фусюэ, оставив в сердце юноши немного тепла. Даже если в будущем они

расстанутся, это тепло сможет сопровождать Вэй Фусюэ, привнося в его характер немного человечности и мягкости, чтобы он не стал столь непредсказуемым и не потерял свою человеческую сущность.

Тао Цзюсы подумал, что если Вэй Фусюэ суждено стать правителем этой эпохи, то это будет лучший вклад, который он сможет сделать для него, для народа и страны.

— Господин Тао, о какой красавице вы задумались?

Ду Цинъяо наконец оторвался от документов, потянулся и, увидев, что Тао Цзюсы витает в облаках, подошел и постучал по его столу.

Тао Цзюсы вздрогнул, его глаза снова обрели фокус, и он медленно произнес:

— Только что я понял одну истину.

Ду Цинъяо с любопытством спросил:

— О, и какую же?

Тао Цзюсы:

— Как служить народу и защищать его жизнь.

Ду Цинъяо удивился:

— Как же?

Тао Цзюсы, глубокомысленно подумав, неопределенно ответил:

— Наверное... пожертвовать собой ради тигра?

Ду Цинъяо пожал плечами, подумав, что этот книжный червь совсем заморочился, и вернулся к своим делам.

Последующие события разворачивались так же, как и в прошлой жизни Тао Цзюсы. Вэй Уюе убил Чжоу Ши, заключил под стражу Вэй Хуайли, а Драгоценная супруга Ду стала еще более высокомерной. Положение Вэй Жунъюя также укрепилось.

Дело с эликсирами утихло, и приближался Праздник середины осени. Одновременно с этим наступал двадцатый день рождения Тао Цзюсы.

На самом деле, Тао Цзюсы был сиротой, и его родители неизвестны. Дату его рождения установить невозможно, поэтому днем рождения считался день, когда старый монах нашел его.

Тао Цзюсы помнил, что в Аньнине каждый год в этот день приходила женщина в черном, закрывающая лицо вуалью, чтобы зажечь благовония в храме. Старый монах всегда необычно настаивал, чтобы Тао Цзюсы собирал пожертвования. После восьми или девяти лет женщина больше не приходила, а старый монах словно лишился души, постепенно угасая, пока не умер в келье старого храма.

Детские переживания заставили Тао Цзюсы относиться к своему дню рождения с прохладцей. К тому же, в их династии не было традиции праздновать совершеннолетие, поэтому, даже

несмотря на то, что ему исполнялось двадцать, Тао Цзюсы не собирался устраивать пышных празднеств. Су Цинцюань, понимая его чувства, не хотел, чтобы брат вспоминал о своем происхождении, и пригласил только друзей Тао Цзюсы на небольшую встречу у себя дома, чтобы немного порадоваться.

В тот день, как только Тао Цзюсы встал, на столе уже лежала новая одежда, сшитая матерью и сестрой. Брат также взял для него выходной, позволив Тао Цзюсы насладиться днем отдыха.

Ся Кайянь и Фан Цзунци, выйдя из дворца, сразу направились в дом Су, каждый с подарками, чтобы поздравить друга с днем рождения. Хэ Сиюнь тоже пришел рано, с кучей подарков, словно собирался купить для Тао Цзюсы целый магазин письменных принадлежностей.

Вечером все собрались вместе, наслаждаясь популярным в Цзинло блюдом — вареным мясом, и атмосфера была теплой и радостной.

Су Вэньчжэн и его жена поели немного и ушли, чтобы молодежь могла общаться без ограничений.

Как только Су Вэньчжэн ушел, все расслабились. Хэ Сиюнь рассказал несколько шуток, заставив всех смеяться.

Все присутствующие, кроме женщин и Хэ Сиюня, занимали официальные должности, и разговор постепенно перешел на текущие события.

Ся Кайянь, положив в рот кусочек мяса, сказал:

— Мой отец говорит, что второй принц теперь использует множество церемоний, подобных тем, что у Наследного принца. Похоже, это место рано или поздно достанется ему.

Су Цинцюань ответил:

— Не факт. Говорят, что хотя третий принц находится под домашним арестом, император все еще любит его и выделил множество слуг для ухода за ним. Кроме того, по просьбе третьего принца, он пригласил Управление столичной стражи, чтобы те обучали его боевым искусствам.

Тао Цзюсы добавил:

— Чем больше император так поступает, тем опаснее становится третий принц.

Ся Кайянь согласился:

— Третий принц все еще в милости, и Драгоценная супруга Ду не даст ему спокойной жизни.

Он хитро улыбнулся и спросил:

— Теперь, когда здесь нет посторонних, скажите, кого из принцев вы поддерживаете?

Фан Цзунци, услышав это, замер с поднятыми палочками. Он стал чиновником, чтобы служить империи, быть преданным императору Великой Вэй, а не поддерживать какого-либо принца. Но недавно старшая принцесса попросила, или, скорее, потребовала, чтобы он встал на сторону третьего принца. Борьба между амбициями и чувствами измотала его, и он не знал, что делать. К тому же, он был человеком замкнутым и не хотел делиться этим с друзьями.

Увидев замешательство Фан Цзунци, Тао Цзюсы подумал, что за этим столом, где в прошлой

жизни только Ся Кайянь поддерживал старшего принца, теперь только Фан Цзунци не поддерживал его. Игра судьбы вызывала у него грусть.

Не желая ставить Фан Цзунци в неловкое положение, он пошутил:

— Император еще в расцвете сил, возможно, у него будет еще много принцев, и не факт, что это будут именно эти трое.

Хэ Сиюнь тоже подхватил шутку:

— Я не разбираюсь в делах двора, но сегодня все это не важно — сегодня важнее маленький Тао.

Ся Кайянь, увидев мрачное выражение лица Фан Цзунци, понял и замолчал, сказав:

— Брат Хэ прав, давайте выпьем за Цзюсы.

Они болтали и смеялись, и скоро наступило время зажигать фонари. На следующий день всем предстояло работать, поэтому они разошлись по домам и рано легли спать.

Только Тао Цзюсы, воспользовавшись лунным светом, вышел из дома и направился к дому Матушки Гуй.

Войдя во двор, он не увидел Вэй Фусюэ, но слышал звуки из кухни. Тао Цзюсы поспешил туда и обнаружил, что Вэй Фусюэ режет овощи.

На столе уже лежали аккуратно нарезанные овощи, ровные и одинаковые по размеру, что говорило о тщательной работе. Рядом с овощами лежал кусок теста, гладкий и белый, свидетельствующий о терпении и усердии того, кто его месил.

Услышав, как Тао Цзюсы вошел, Вэй Фусюэ смущенно отложил нож.

Тао Цзюсы осмотрел ингредиенты и подумал, что у парня есть совесть, и его забота не прошла даром.

Вэй Фусюэ, вернувшись к своему спокойному голосу, сказал:

— Матушка Гуй говорила, что на день рождения нужно есть лапшу долголетия, поэтому я решил приготовить ее для учителя. Идите посидите, скоро будет готово.

Тао Цзюсы кивнул, едва сдерживая слезы, словно это была еда, приготовленная его родным сыном.

Он медленно прошел в комнату и заметил на столе книгу, которую давно искал — уникальный экземпляр из прошлой династии. Взволнованный, он зажег лампу и стал внимательно изучать ее.

Через некоторое время Вэй Фусюэ вошел с миской лапши и, увидев, как Тао Цзюсы увлеченно читает, подумал, что подарок оказался удачным.

— Учитель, идите есть лапшу, — тихо позвал он.